

© 2026. О. А. Крашенинникова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Лиссабонское землетрясение 1755 г. и его философское осмысление в западной и русской литературе XVIII в.

Аннотация: В статье исследуется культурологическое значение Лиссабонского землетрясения 1755 г. Это событие в Европе XVIII в. явилось толчком для изучения сейсмических явлений и возникновения сейсмологии как науки и породило немалое количество философских и богословских интерпретаций этой природной катастрофы. Лиссабонское землетрясение в западной философской мысли («Поэма на разрушение Лиссабона» (1756) Вольтера и «Письмо о Провидении» Руссо (1756)), стало поводом для дискуссий по поводу философии оптимизма, учения Лейбница о теодицее и вопроса о происхождении мирового зла. Менее известен вклад русской богословской мысли XVIII в., представленной знаменитым проповедником елизаветинского времени Гедеоном Криновским (1726–1763), а также писателем В. А. Левшиным (1746–1826), которые предложили свое оригинальное видение причин стихийного бедствия. Русская концепция свершившейся катастрофы была не естественнонаучной, а сугубо богословской: причиной мирового зла признавалось греховное отпадение человека от заповедей Бога, а само стихийное бедствие призвано было служить уроком о необходимости покаяния.

Ключевые слова: Лиссабонское землетрясение, поэма, Вольтер, «На разрушение Лиссабона», Ж.-Ж. Руссо, «Письмо о провидении», Г. Малагрида, Гедeon Криновский, В. А. Левшин

Информация об авторе: Ольга Александровна Крашенинникова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>

E-mail: krashenninnikova.61@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 21.02.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 14.04.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Крашенинникова О. А. Лиссабонское землетрясение 1755 г. и его философское осмысление в западной и русской литературе XVIII в. // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 6–27. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-6-27>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 6–27. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 6–27. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Olga A. Krasheninnikova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The 1755 Lisbon Earthquake and Its Philosophical Interpretation in Western and Russian Literature of the 18th Century

Abstract: The article examines the cultural significance of the 1755 Lisbon earthquake. This event in 18th-century Europe spurred the study of seismic phenomena and the emergence of seismology as a science, and gave rise to a considerable number of philosophical and theological interpretations of this natural disaster. The Lisbon earthquake has featured prominently in Western philosophical thought (Voltaire's "Poem on the Destruction of Lisbon," 1756 and Rousseau's "Letter on Providence," 1756), sparking debates on the philosophy of optimism, Leibniz's theodicy, and the origin of evil. Less well known is the contribution of 18th-century Russian theological thought, represented by the famous Elizabethan preacher Gideon Krinovsky (1726–1763) and the writer V. A. Levshin (1746–1826), who offered their own original perspectives on the causes of the disaster. The Russian concept of the catastrophe that had occurred was not scientific, but purely theological: the cause of evil in the world was recognized as man's sinful deviation from God's commandments, and the natural disaster itself was intended to serve as a lesson in the need for repentance.

Keywords: Lisbon earthquake, poem, Voltaire, "On the Destruction of Lisbon," J.-J. Rousseau, "Letter on Providence," G. Malagrida, Gideon Krinovsky, V. A. Levshin

Information about the author: Olga A. Krasheninnikova, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1518-7923>

E-mail: krasheninnikova.61@mail.ru

Received: February 21, 2026

Approved after reviewing: April 14, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Krasheninnikova, O. A. "The 1755 Lisbon Earthquake and Its Philosophical Interpretation in Western and Russian Literature of the 18th Century." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 6–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-6-27>

Утром 1 ноября 1755 г., в католический праздник «Всех святых», в самое время праздничной мессы, в Лиссабоне произошло беспрецедентное по своей силе землетрясение, затронувшее, помимо Португалии, Испанию, Францию, Северную Африку, Марокко, острова Карибского моря. Толчки ощущались по всей Европе, сильные приливы обрушились на южное побережье Англии и берега Финляндии. Это землетрясение было одним из самых разрушительных в мировой истории: в Лиссабоне из 275-тысячного населения погибло, по разным сведениям, от 60 до 90 тыс. человек, еще 10 тыс. человек пострадали в Марокко. В португальской столице было уничтожено около 85 % зданий: были полностью разрушены Патриарший собор и большая часть храмов, Лиссабонский оперный театр, королевский дворец с коллекцией произведений искусства, картинами Рубенса, Тициана и Корреджо, с 70-тысячным собранием бесценных рукописей и книг. То, что не было уничтожено землетрясением, погибло под 20-метровыми цунами. Вскоре после землетрясения и наводнения в столице начались пожары, которые бушевали 5 дней и многократно усилили бедствия и разрушения.

Весть о Лиссабонском землетрясении быстро облетела Европу и весь мир. Это событие оказало огромное влияние на философию и культуру XVIII в.: о его причинах и значении размышляли молодой Кант, Вольтер, Руссо, Дидро, пытавшиеся дать собственное философское осмысление этого ужасающего стихийного бедствия. «Трещина в земле расколола надвое XVIII век — до землетрясения и после него» [Русинова, Утехин: 7].

Начало философской дискуссии было положено Вольтером в его поэме «На разрушение Лиссабона в 1755, или рассмотрение аксиомы: все — благо» (*“Pðeme sur la désastre de Lisbonne en 1755, ou examen de cet axiome: tout est bien”*), первая версия которой была закончена 16 декабря 1755 г., а окончательная редакция была опубликована в 1756 г.

В своей поэме, как следует из ее подзаголовка, Вольтер выступил против философии оптимизма — теории, утверждавшей, что в мире все устроено наилучшим образом. Создателем этой теории был Г. В. Лейбниц, разработавший учение о теодицее, с его принципом «все идет к лучшему в этом лучшем из возможных миров» (или «все благо»)¹, а последователем — А. Поуп с постулатом: «что есть, то и правильно», изложенным в его «Опыте о человеке»². Представители философского оптимизма утверждали, что Бог создал наилучший из миров, в котором все происходит наилучшим образом. Все зло в мире является следствием несовершенства тварного мира, но любое зло в конечном счете ведет к добру. Позднее, в 1759 г. Вольтер опубликовал философско-сатирическую повесть «Кандид, или Оптимизм», где высмеял Лейбница и его философию оптимизма, а в качестве предисловия к ней поместил поэму «На разрушение Лиссабона».

Лиссабонское землетрясение также со всей остротой поставило перед западными мыслителями извечную проблему происхождения мирового зла [Артемьева, Сергиенко]. Как согласовать существование зла и страдания в мире, нагляднейшим проявлением которого стало губительное землетрясение, с верой во всемогущего и всеблагого Бога? Является ли Бог творцом зла? А если не является, то, следовательно, его нельзя признать всемогущим, и есть другая, более могущественная сила, совершающая мировое зло.

Хотя Вольтер внешне декларировал свое намерение опровергнуть теорию Лейбница и Попа, на самом деле, главной мишенью его критики являлся Творец Вселенной. Автор поэмы «На разрушение Лиссабона» задавался вопросом: как мог всемогущий Творец допустить страдание и зло, обрушившееся на его создание — человека?

Он [Бог. — О. К.] сильный, праведный и милосердный царь.
Когда творец так благ, почто же страдает тварь?
Все твари чувствуют, что злом наполнен свет,
И неисследима всех наших зол пучина.
Их то не произвел, кто наших благ причина.

¹ Термин теодицеи был введен в трактате Лейбница «Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла» (1710).

² А. Pope. Essay on Man (1733–1734).

Не Ориман ли злу начало, иль Тифон?

<...>

Мы можем ли себе представить благ Творца
Творцом напастей всех?

<...>

Всесовершенный зла не может произвести,
Другого нет Творца, а зло на свете есть¹.

Философский пессимизм Вольтера основывался на убеждении, что всеблагой и всемогущий Творец, создав Вселенную, устранился от поддержания добра и справедливости в мире. Философия деизма, которую разделял Вольтер, уподобляла Бога часовщику (в поэме он назван «хозяином»), заведшему механизм, управляющий миром (то есть физические законы Вселенной), и устранившемся от дальнейшего руководства этим миром. Из-за того, что высшая сила перестала вмешиваться в дела людей, в обществе возобладало зло, страдание и хаос. Абсолютизируя зло в мире, Вольтер отрицал промысел Божий, благодать и милосердие его по отношению к людям. Размышляя о судьбе невинных младенцев, погибших в катастрофе, он отказывался верить в то, что это бедствие могло быть послано людям за их грехи. Признавая человеческую жизнь главной ценностью в мире и сострадая невинным жертвам землетрясения, писатель приходил к открытому богоборчеству, которое простиралось до полного отрицания справедливости Божьего суда:

Иль скажешь ты, смотря на трупы бедных сих,

Что Бог отмищает им за беззаконья их.

Сии безгрешные младенцы чем виновны,

В объятьях матерних лия потоки кровны!

<...>

Не мните ль вы, что все сие предвидя, Бог

Соделать лучшего для сих людей не мог?

Не мог ли их спасти он властью своею

¹ Поэму Вольтера цитируем в переводе И. Ф. Богдановича — см. [Богданович: 209–210]. Современный перевод А. С. Кочеткова см. в издании: [Вольтер 1938: 422–428].

И бездне запретить, горящей под землею?
Иль мните власть творца в пределы заключить
И не ко всем ему велите щедро быть?
[Богданович: 207–208]

Ж.-Ж. Руссо по этому поводу позднее писал в «Исповеди»:

Вольтер, всегда делавший вид, будто верит в Бога, на самом деле верил только в дьявола, ибо его мнимый бог — существо злокозненное, которое, по его представлению, находит наслаждение только в том, чтобы вредить людям [Руссо 1961. 3: 374].

Ж.-Ж. Руссо выступил и первым оппонентом Вольтера во Франции. 18 августа 1756 г. он ответил на поэму Вольтера своим философическим «Письмом о Провидении»¹. Называя Вольтера своим «братом» и «учителем», Руссо в то же время отмечал, что поэма Вольтера способна привести его в отчаяние, ибо она «умножает страдания» и «заставляет роптать», так как признает основой человеческого существования страдания и смерть [Руссо 1809: 20]. Руссо, напротив, утверждал, что, несмотря на случающиеся бедствия, человеческую жизнь следует признать не злом, но великим даром. Он выдвинул несколько аргументов для опровержения богоборческих выпадов Вольтера и оправдания благости Провидения. Руссо утверждал, что нельзя во всех бедах винить Бога: во многих злоключениях виновата не природа, но злоупотребления самого человека, испорченного культурой. Так, например, он отмечал:

Ежели бы жители обширного сего города жили не в таком стеснении и не столь в огромных зданиях, то бы вред не был так велик [Руссо 1809: 23].

Человек должен приспособливаться к законам и капризам природы, не требуя от природы подчинения «прихотям» людей. Второй аргумент

¹ Первый русский перевод «Письма» был выполнен в 1762 г., см.: [Руссо 1762] и опубликован в Собрании лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. 1762. Ч. IV. С. 235–273. Это был журнал, издававшийся в 1762 г. при Московском университете И. Г. Рейхелем и публиковавший в основном переводную беллетристику и статьи на разные темы из европейских журналов.

Руссо состоял в том, что «скоропостижная смерть не всегда есть действительное зло, но иногда может почестся относительным благом», и люди, погребенные под развалинами, могли быть избавлены от еще больших несчастий, которым они могли бы подвергнуться в обществе людей [Руссо 1809: 25]. Наконец, третий аргумент Руссо состоял в том, что Творец, намерений которых человеческий разум постигнуть не может, для сохранения целого мог пожертвовать благополучием его отдельной части, так как «частные приключения суть ничто на земле в глазах Творца всецелого» [Руссо 1809: 38]. Руссо объявлял себя безусловным сторонником философии оптимизма, когда утверждал, что «все благо» и «истинные начала Оптимизма извлекаются <...> единственно из признания совершенств Бога, всем управляющего» [Руссо 1809: 36]:

Естьли Бог существует, то Он совершен, естьли Он совершен, следовательно премудр, всмогущ и справедлив; естьли он справедлив и всемогущ, то душа моя бессмертна; естьли душа моя бессмертна, то 30 лет жизни не есть ничто для меня и может быть они нужны для всецелого мира. Естьли согласятся со мною в первом предложении, последних не отвергнуть» [Руссо 1809: 40].

Если признать существование Бога, по мнению Руссо, «легко защищать Оптимизм и оправдывать Провидение» [Руссо 1809: 42].

В то же время гимн всемогущему и премудрому Богу у Руссо сочетался с выпадами против официальной церкви, религиозных фанатиков, «святош», нетерпимых в вопросах веры и приписывающих Провидению все случаемое «без разбору», что могло бы на самом деле произойти «само собой». Признавая бессмертие души, Руссо в то же время ни словом не упоминает о понятии греха и покаяния, воздаяния за грехи, Страшного суда — как мы видели, бедствия людей он склонен объяснять исключительно естественными причинами и ошибочными действиями человека (например, привычкой селиться скученно). Напротив, он утверждает, что не верит в «вечность мучений», чему «ни вы, ни я, ниже иной кто благомыслящий о Боге человек верить не должен» [Руссо 1809: 40].

Таким образом, ни богоборец Вольтер, ни его оппонент, защитник Провидения Руссо в своих философских дискуссиях не увидели в со-

вершившемся стихийном бедствии нравственного урока человечеству, грозного предостережения и призыва к покаянию, не затронули даже близко темы нравственной ответственности человека за грехи и неизбежности Божественного воздаяния. Зато это сделал другой писатель — итальянский иезуит Габриэл Малагрида (1689–1761), также современник Вольтера и Руссо.

Малагрида был выдающимся придворным проповедником при португальском короле Доне Жозе I и имел репутацию человека святой жизни. Он оказался свидетелем лиссабонского землетрясения, и в 1756 г. опубликовал книжку под заглавием «Суждение об истинной причине Землетрясения, разрушившего Столицу Португалии первого ноября 1755 года» [Тавареш: 149–152]. В своих проповедях (которые и послужили основой для книги) в первые месяцы после бедствия он неоднократно утверждал, что лиссабонцы своими грехами заслужили страшное бедствие, выпавшее на их долю, которое он считал наказанием Божиим:

Знай же, Лиссабон, что единственными разрушителями всех этих домов и дворцов, губителями Храмов и Монастырей <...> были отнюдь не Кометы, не Звезды, не стихийные явления природы; ими были исключительно непереносимые наши грехи [Тавареш: 155].

Книга была одобрена цензурой и разрешена к печати. Через несколько лет, в 1758 г. власти обвинили Малагриду в участии в заговоре против короля. В 1759 г. он был арестован, а в 1761 г. казнен португальской инквизицией как еретик — сначала задушен, а затем сожжен на костре. Спустя 11 лет после казни Малагриды, таким же образом расправились и с его книгой. В апреле 1772 г. Королевский цензурный стол, членами которого были, в том числе, несколько епископов, повторно рассмотрел книгу Малагриды и пришел к выводу, что его сочинение, «будучи нечестивым и дерзким, бесчестным и еретическим, заслуживает того же наказания, что и его автор, еретик и изобретатель новых еретических заблуждений» [Тавареш: 157]. Вина автора, по мнению цензора, состояла в том, что он придерживался сверхъестественной версии причин землетрясения и претендовал на познание высшего Божьего Промысла (который никому не известен), наказавшего, по его мнению, лиссабонцев за совершенные ими грехи. Проповедник,

по мнению цензора, преувеличил грехи лиссабонцев, посчитав их настолько тяжелыми, что он был готов признать Лиссабон новым Вавилоном, Ниневией и Содомом. Невежественность и суеверие автора, по мнению цензоров, выразилось в том, что он не увидел в землетрясении проявления естественных законов природы:

<...> Мудрый человек, изучивший Природу, не может не знать, что все перечисленные <...> напасти являются самыми что ни на есть естественнейшими следствиями природных причин и происходят естественным образом [Тавареш: 155].

Цензор рекомендовал книгу Малагриды к публичному сожжению на площади города, что и было исполнено. Так в Европе «выжигались» альтернативные точки зрения на причины мировых бедствий. Естественнаучный взгляд на стихийные бедствия повсеместно овладевал умами западных ученых, философов, теологов, и даже представителей церкви.

Известия о Лиссабонском землетрясении к концу 1755 г. достигли и России.

Первые сведения о землетрясении в Лиссабоне и Европе содержались в публикациях единственной издававшейся в то время в России газеты «Санктпетербургские ведомости»¹. Первое сообщение о землетрясении появилось в ней 5 декабря 1755 г.:

С приехавшим из Мадрида курьером получена ведомость, что 1 числа ноября месяца по испанским берегам и во всем Португальском королевстве было ужасное трясение земли, от которого земляные валы и множество каменного строения в разных городах расселись и повалились; также больше половины Португальской столицы Лиссабоны развалилось, и тем в несколько минут около 100 000 народу задавило [Гусяков: 119–120].

¹ Издавалась при Санкт-Петербургской Академии Наук с 1728 по 1914 г. С 1748 г. ее возглавлял М. В. Ломоносов, а с марта 1751 г. — И. И. Тауберт. В 1740–1750-е гг. заграничные известия занимали основную часть «Ведомостей». Академик Якоб Штелин был назначен отбирать заграничные новости, а четыре переводчика — переводить сообщения с немецкого и других языков — см. [Шерих: 35, 42]

О Лиссабонском землетрясении Ведомости сообщали неоднократно в течение декабря 1755 г.: 12, 15, 19, 22, 26 и 29 декабря [Газета Санкт-петербургские ведомости: 18–19].

Первым же оригинальным откликом на это событие в России стала проповедь официального проповедника при дворе императрицы Елизаветы Петровны Гедеоны Криновского¹ «Слово о случившемся 1755 году в Европе и Африке ужасном трясении», которая уже в 1756 г. была напечатана во втором томе его «Собрания разных поучительных слов» [Геден (Криновский) 2: 316–323]. По свидетельству самого проповедника, непосредственным поводом и источником сведений для написания проповеди послужили иностранные ведомости:

Получаемые со дня на день нами ныне иностранные ведомости возбуждали во мне охоту некоторые сочинить теперь на них нравоучительные примечания, Слышатели благочестивыи! Ведомости сии ничего почти добраго нам не возвещают. Бог знает, бывали ли когда неприятнейшии паче нынешних на земли случаи! В толь краткое время толь многия зло пострадали государства! Там видим разверзающуюся и страшный с шумом пламень из недр своих испущающую землю; там море, не обычно разливающееся и поглощающее народа множество; там прекрасныи грады в страшныи превращены пустыни; там превысокия горы в глубокии рвы и долины сотворшиися; там многия тысящи человек живых погребенных; там полумертвых без пищи, без одежды, без покрова ужасно воплящих! И чтож сие, Слышатели? Какова вы разсуждения о таких ведомостях? [Геден (Криновский) 2: 316].

Не случайно жанр своего Слова сам проповедник обозначает как «нравоучительные примечания на ведомости».

Наверное, впервые в истории русской церковной проповеди поводом для ее создания становятся газетные новости, да еще и пришедшие из-за рубежа. Известие о землетрясении, по-видимому, глубоко взволновало проповедника — в том числе, и потому, что послужило наглядным подтверждением его любимых размышлений о «краткости и бедности жития человеческого», о суетности всего земного, о близо-

¹ О Гедоне Криновском подробнее см. [Евгений (Болховитинов); Воскресенский; Титов; Николаев].

сти и неизбежности смерти¹ — ср. характерные высказывания Гедеона в других его проповедях:

Вся жизнь сия ничто иное, как дорога к смерти [Гедеон (Криновский) 3: 13]; жизнь подлинно висит у нас на тончайшем волосе, которой не только один замах острого меча, не только малая капля смертоносного яда, но и сего меньшая вещь перервать весьма довольна [Гедеон (Криновский) 3: 16]; Мы вси здесь подлинно на час, и еще не известно, следующую минуту дастся ли прожить нам здесь [Гедеон (Криновский) 3: 192].

В критической литературе о Гедеоне Криновском можно встретить мнение, что в своей проповеди на Лиссабонское землетрясение проповедник якобы полемизировал с Вольтером и его поэмой «На разрушение Лиссабона». Действительно, в это время, со второй половины 1750-х – начала 1760-х гг. в России стало распространяться увлечение вольтерьянством. Появлялись первые русские переводы сочинений Вольтера. Среди них были переводы его философских повестей, увидевшие свет в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», издававшимся академиком Г. Ф. Миллером в 1754–1764 гг. при Петербургской Академии Наук. Так в 1756 г. там были напечатаны повести «Мемнон, желающий быть совершенно разумным» и «Микромегас», в 1759 г. — «Задиг» [Вольтер в России: 15]. В 1769 г. был опубликован русский перевод «Кандида» [Вольтер 1769]. Но сама поэма Вольтера «На разрушение Лиссабона» в России была впервые опубликована в переводе И. Ф. Богдановича [Богданович: 207–212] существенно позднее, лишь в 1863 г., в отличавшемся свободомыслием журнале «Невинное упражнение», издававшимся Е. Р. Дашковой и Богдановичем [Вольтер 1763]. Перевод Богдановича был короче оригинала: 240 строки, в отличие от 272 строк у Вольтера, что объяснялось цензурными ограничениями. Слово *maitre* («хозяин»), которым Вольтер называл Бога, было заменено Богдановичем на «создатель», «творец» [Богданович, прим. Сермана: 241].

Проповедь Гедеона была написана, по его собственному свидетельству, спустя три месяца после землетрясения, то есть в январе или начале февраля 1756 г. — ср.: «третий уже месяц тому, как помянутыи

¹ Подробнее об этом см.: [Крашенинникова: 20–21].

начались в Европе и Африке трясения». Очевидно, что в январе 1756 г. Гедеон еще не мог познакомиться с литературными откликами на это событие европейских философов, и в первую очередь, Вольтера, поэма которого была написана в декабре 1755 г. и опубликована позднее, в 1756 г.¹ Таким образом, следует признать, что «Слово о <...> землетрясении» Гедеона Криновского было написано проповедником независимо от Вольтера и публикаций других европейских писателей, которые не могли в столь краткое время стать известными российскому читателю. Никого из западных философов автор в проповеди не упоминает. Источник его сведений — переводные ведомости.

Тем не менее, следует признать, что система изложенных в проповеди взглядов не могла не быть полемичной по отношению к господствующему духу времени, к распространявшейся моде на вольтерьянство, материализм и позитивизм. Так, с первых же страниц проповеди автор ведет полемику с атеистами, объяснявшими процессы, приведшие к лиссабонской катастрофе, исключительно естественными причинами, «натурой», или «случайностью»:

Не хотите ли все то приписать натуре? Не думаете ли, что селитренные и другая некия сухия и легко загараемая частицы, в потаенных земных каналах собравшись и с некоторыми водяными частицами стираясь, горячесть, а потом и пламя произведши, и тем тончайший, в убегающих от очей наших земных трубках находящийся воздух в возмущение приведши, потрясли так землю и воду? Пусть так будет, я сему не противлюсь. Не надобно и естественных со всем опровергать сил или их испытателей порочить. Но для чегож, вопрошаю, не прежде, но в сие самое время, не в иных, но в сих самых частях земли произвела такое действие натура? Не скажет ли кто, что все то зделалось случаем? Случаем один город уцелел, другой развалился; случаем те люди спаслись, другии погибли; случаем Португаллия, Гишпания, Франция и многия Немецкия и другия различные земли подпали сему злу. А мы например Россианы ни труса земли, ни возхождения необычнаго воды не чувствовали? [Гедеон (Криновский) 2: 317].

¹ Более точную дату публикации поэмы установить не удалось. Известно лишь, что в феврале 1756 г. Вольтер послал свою еще не опубликованную поэму на апробацию своему другу графу Даржанталю для выяснения, достаточно ли ортодоксальны эти стихи и нет ли в них ереси.

Случайность — это событие, нарушающее привычный порядок вещей, причины которого объяснить не удается. Атеисты склонны объяснять катаклизмы природы случайным стечением обстоятельств. Гедеон же отрицает случайность и, не отвергая полностью «естественных сил», вызывающих катастрофы, видит в произошедшем стихийном бедствии, прежде всего, проявление сверхъестественных сил — высшей воли Создателя, который по своему усмотрению может, когда хочет, нарушать законы естества:

Не естество, но естества Творец, *творяй в нас добро и зиждай зло* по писанию, главною всем сим неприятным событиям есть причиною. Он естество содержит в своем послушании и полагает, какие хочет, ему пределы. Он и зделал ныне, чтоб оно, оставя прежний свой порядок на сие время, новый и ужасный вид на себе приняло [Гедеон (Криновский) 2: 317].

В отличие от Вольтера с его богоборческим пафосом, автор русской проповеди призывает со смирением принимать карающую Божию десницу. Причина нарушения привычного порядка вещей во время природных катаклизмов — это явленный людям Божий гнев, вызванный умножившимися грехами человечества:

Я не смею испытывать совершенно, что единому Богу известно, но только хочу сказать, что все сие зделано ради того, чтоб устроить нас, грешных, и отвести от беззаконий наших, которые так сильно укоренились и разумножились в нас, что кажется, вси прешедшие веки в том уступить настоящим должны [Гедеон (Криновский) 2: 318].

Когда человек перестает слышать Бога, тот заставляет его опомниться, прибегая к чрезвычайным, крайним мерам. Примеры проявления Божьего гнева неоднократно были описаны в Священном Писании: это и всемирный потоп, и печальная участь Содома и Гоморры, и кара, постигшая Дафана и Авирона, это разрушение Иерусалима и другие бедствия. И православные богословы прошедших веков уже давали оценку подобных событий, не раз случавшихся в той же Византийской империи. Так, свт. Иоанн Златоуст, ставший в 398 г. свидетелем землетрясения в Константинополе, составил Слово к народу о причине этого зла, в котором писал:

Другие все ради землетрясения страхом объаты были, а я ради вины землетрясения. Они боялись, чтоб град не пал и не погибл, а я, что бог на нас гневался, содрогал. Вина бо землетрясения есть божий гнев, гнева же божия вина суть грехи наши [Гедеон (Криновский) 2: 319]¹.

Проповедник находит это суждение Златоуста исчерпывающим.

Вольтер в своей поэме задавался вопросом, почему кара Божия постигла именно Лиссабон, а не более развращенные Париж или Лондон. Точно так же и Гедеон предостерегал слушателей от пагубного заблуждения, что наказание постигло якобы наиболее грешную часть населения Земли, а Россия не была затронута землетрясением как более праведная. Во-первых, — отмечает проповедник, — если Господь не наказывает россиян сейчас, то может наказать позднее — и не временными, а вечными мучениями после Страшного суда. А во-вторых, может, и для другой части мира уже приготовлено наказание, которое Бог медлит совершить, ожидая ее исправления:

Может быть, уже и на нас простерта страшная рука Божия, которую на себе почувствовали прочие краи. Но ждет еще, не устали ли мы их примером и не пробудимся ли от сна нашего стуком, которой потряс толь великую часть вселенныя? [Гедеон (Криновский) 2: 320].

В подтверждение проповедник приводит ссылку на Евангелие от Луки, где Спаситель, рассуждая о Галилеянах, погибших от рук Пилата, говорил следующее: «Мните ли, яко Галилеане сии грешнейши паче всех Галилеан бяху, яко тако пострадаша? Ни, глаголю вам, но аще не покается, вси такожде погибнуте» (Лк. 13: 2–3). Таким образом, Лиссабонское землетрясение, по мнению Гедеона, — это не столько кара Бо-

¹ Ср. современный перевод: «Размышляйте же непрестанно о том вечере землетрясения. Все другие усталились землетрясения, а я утратился причины его. Понимаете, что я сказал? Другие боялись, чтобы не обрушился город и чтобы они не погибли; а я утратился того, что Владыка гневается на нас; потому что не умереть тяжело, но тяжело — разгневать Владыку. Так я убоился не землетрясения, а причины землетрясения; причина землетрясения есть гнев Божий, а причина этого гнева — грехи наши. Никогда не бойся наказания, но бойся греха, навлекающего наказание. См. [Иоанн Златоуст: 851].

жая, постигая португальцев, сколько предостережение для остальной части мира, призыв к исправлению людей, не пострадавших от разрушительной катастрофы, «чтоб от наказания другого безумный премудрейшим зделался» [Гедеон (Криновский) 2: 321]. Там, где Вольтер видел беспощадный и несправедливый гнев Божий, истребляющий его собственные невинные создания, русский проповедник видел могучий призыв Бога к покаянию:

Убойся убо, и паки я говорю, убойся, человек, праведного суда Божия! Убойся тех казней, которые на других видишь, да не и на тебе тежде искусишь! [Гедеон (Криновский) 2: 321].

Мы уже отмечали, что мироощущению Гедеона было присуще острое чувство конечности и непрочности земного бытия, быстротечности человеческой жизни. Лиссабонское землетрясение усугубило это ощущение, вскрыло катастрофичность и хрупкость всей Вселенной, всего мира, который в один миг подвергся беспрецедентному упадку и разрушению:

<...> Бывали, правда, трясения и возмущения морския, да не таковыя. Смотрите теперь, сколько сел, сколько городов, сколько и целых островов или совсем погигло, или крайне повредилось в толь кратком времени! Довольно ли того, что сами те, которые, может быть, о последнем раззорении мира сего никогда не думали, принуждены теперь признавать, будто вся натура пришла в безпорядок, и следовательно, грозит падением и совершенным своим разрушением? [Гедеон (Криновский) 2: 322].

Бедствия, вызванные землетрясением, по мнению Гедеона, предвещали еще большую катастрофу, которая грянет вместе с кончиной мира. Это были знамения и признаки конца света, неизбежного конца Вселенной, Апокалипсиса, предсказанного в Евангелии и ожидаемого с пришествием на землю Спасителя: «Сии трусы и пагубы, о которых теперь нам речь, еще суть явственным знамением скорого на землю пришествия Христова» [Гедеон (Криновский) 2: 321]. На этой трагической ноте предсказания близкого Страшного суда и заканчивается проповедь.

Таким образом, русский проповедник, в отличие от современных ему западных философов, не ставил своей целью оправдание Бога и

построение умозрительной теории, примиряющей Божие милосердие с окружающим злом. Бог не нуждался в оправданиях человеческого разума, ибо этот разум не способен постигнуть глубину Божественного замысла. Гедеон Криновский не сомневался в том, что Всемогущество Божие может проявляться как в Его милосердии к человеку, так и в наказании, гневе. По его мнению, Лиссабонское землетрясение поставило перед человечеством не вопрос «почему?», а вопрос «зачем?». Это событие служило посланием и предостережением всему заблудшему человечеству, напоминало о его неизбежном конце, о Страшном суде и о необходимости покаяния в грехах.

Развернутый полемический ответ Вольтеру с опровержением его мнений, изложенных в поэме, последовал в России позднее, в 1780 г., когда В. А. Левшин написал свое философское «Письмо», адресованное некоему приятелю (опубликовано в 1788 г.) [Левшин], в котором, вслед за Руссо, подверг критике основные положения поэмы Вольтера.

Главной мыслью рассуждений Левшина стало признание ограниченности человеческого разума, пытающегося по человеческим меркам оценивать дела Божьи:

Поистине сие [Божия премудрость. — О. К.] есть бездна, в которой разум наш теряется [Левшин: 86];

Не безумие ли выводить толки о свойствах и намерениях Непостижимого? [Левшин: 93].

Ограниченный человеческий разум не в силах познать диалектику добра и зла, постигнуть пользу, следующую из зла, понять всю глубину Божьего замысла о людях: «То, что называем мы злом, нередко бывает истинное добро» [Левшин: 86]; все бедствия человеческие «суть наилучшие средства, чтобы довести нас до истинного благополучия» [Левшин: 102]. Позиция Левшина более близка к взглядам Лейбница и Руссо: он верит в силу, премудрость и благость Творца, видит, «что все созданное от Него хорошо» [Левшин: 92], и уверен в том, что «Бог не попускает зло без необходимости»; его благость «ведет нас к намерению высочайшему, непостижаемому нами» [Левшин: 93]. Левшин указывал на вред, производимый некоторыми сочинениями Вольтера, поскольку писатель, отвергая промысел и премудрость Бога и не ощущая присутствующей в мире благодати, приводил людей к отчаянию

и неверию в милосердие Божие. Вольтер задавался вопросом: зачем попустил Бог в мире нравственное зло? Левшин отвечал, что это произошло потому, что при создании человека Творец даровал его душе свободную волю, то есть возможность грешить. В то же время человеку было даровано разумение зла и вложено стремление противиться ему и выбирать добро. В этом и состоит присутствие Божества в душе человека, которое еще иначе называется совестью: «Бог под видом совести старается подкреплять нашу волю во благое» [Левшин: 100]. Таким образом, развивая традиции русской религиозной философии, Левшин отказывается от ненужных и бесплодных попыток оправдания Провидения и, как и Гедеон, переносит акцент на вину и ответственность человека за совершающееся в мире нравственное зло.

В критической литературе утвердилось мнение об отставании русской словесности XVIII в. от современной ей западной литературы. Русская светская словесность в XVIII в. развивалась ускоренными темпами, и лишь на рубеже XVIII–XIX вв. оказалась в состоянии соперничать с лучшими образцами западной литературы. Что касается философско-богословской мысли, проведенный нами сравнительный анализ показывает, что уже при самом своем зарождении в XVIII в. русская религиозно-философская мысль, представленная, в частности, Гедеоном Криновским и В. А. Левшиным, не стремилась следовать современным ей западным просветительским философским течениям, но развивалась самостоятельным и независимым путем¹. Мы видели на примере истории книги иезуита Малагриды, как беспощадно уничтожались на Западе альтернативные точки зрения и повсеместно побеждал материалистический, естественнонаучный подход к объяснению причин стихийных бедствий. Лиссабонское землетрясение, всколыхнувшее весь мир, показало огромную разницу в восприятии этого события в западном и русском философско-богословском сознании.

В 1860-х гг. своеобразное развитие тема Лиссабонского землетрясения получила в публицистике Ф. М. Достоевского. В его статье «Г-н -бов и вопрос об искусстве», вошедшей в цикл «Ряд статей о русской литературе» и опубликованной во втором выпуске журнала «Время» за

¹ Так, например, оригинальная философия времени была разработана в жанре русской «новогодней» проповеди XVIII в. См.: [Крашенинникова].

1861 г., образ португальского стихийного бедствия явился аргументом в дискуссии художественно-эстетического характера. В этой статье, размышляя о природе и предназначении искусства, Достоевский полемизировал с двумя крайними направлениями в русской критике: с утилитаристами, требовавшими непосредственной общественной пользы от искусства (представителем которых выступал Н. А. Добролюбов), и со сторонниками «чистого искусства», «искусства для искусства». Весомым аргументом против последних в начале статьи послужил приведенный писателем рассказ о Лиссабонском землетрясении. Этот образ у Достоевского был, по-видимому, навеян как поэмой Вольтера о гибели Лиссабона (которая оказала сильное влияние на писателя), так и «Кандидом» Вольтера (глава пятая: «Буря, кораблекрушение, землетрясение, и что случилось с доктором Панглосом, Кандидом и анабаптистом Яковом»), о чем свидетельствует упоминание Достоевским имени героя повести Панглоса. Одновременно в этом упоминании Панглоса содержалась отсылка к фельетону И. И. Панаева «Русский джентльмен-оптимист» 1860 г.¹ [Панаев], сатирически изображавшему «нового русского Панглосса», сторонника теории «все к лучшему», любителя «легкой» поэзии, недовольного современной «обличительной» литературой. Приведем интересующий нас отрывок из статьи Достоевского, посвященный португальскому землетрясению:

Положим, что мы переносимся в восемнадцатое столетие, именно в день лиссабонского землетрясения. Половина жителей в Лиссабоне погибает, дома разваливаются и проваливаются, имущество гибнет, всякий из оставшихся в живых что-нибудь потерял — или имение, или семью. Жители толкаются по улицам в отчаянии, пораженные, обезумевшие от ужаса. В Лиссабоне живет в это время какой-нибудь известный португальский поэт. На другой день утром выходит номер лиссабонского «Меркурия» <...> Номер журнала, появившегося в такую минуту, возбуждает даже некоторое любопытство в несчастных лиссабонцах <...>. И вдруг — на самом видном месте листа бросается всем в глаза что-нибудь вроде следующего:

Шопот, робкое дыханье,
Трели соловья ... [Достоевский: 75].

¹ Очерк вошел в книгу И. И. Панаева «Очерки из петербургской жизни Нового Поэта» (1860).

Образ Лиссабонского землетрясения в публицистике Достоевского становится синонимом серьезного народного бедствия, общественно-го потрясения, во время которого писатель не имеет права замыкаться в сфере «чистого искусства», не обращая внимания на страдания и бедствия своих современников:

Какое-нибудь общество, положим, на краю гибели; всё, что имеет сколько-нибудь ума, души, сердца, воли, всё, что сознает в себе человека и гражданина, занято одним вопросом, одним общим делом. Неужели ж тогда только между одними поэтами и литераторами не должно быть ни ума, ни души, ни сердца, ни любви к родине и сочувствия всеобщему благу? [Достоевский: 76].

В то же время большую часть своей статьи Достоевский посвятил защите взглядов сторонников «чистого искусства» и утверждению ценности высокой «художественности» и ее «полезности» для создания совершенного произведения искусства. У искусства, по мнению Достоевского, есть «собственная, цельная, органическая жизнь» [Достоевский: 94], свои законы, и признаком настоящего искусства является то, что оно всегда «современно, насущно-полезно» [Достоевский: 101]. Искусство не терпит запретов и предписаний: «чем свободнее будет его развитие, тем более пользы принесет оно человечеству» [Достоевский: 102]. Таким образом, в своей статье Достоевский разоблачил крайности эстетических взглядов обеих враждующих партий и одновременно примирил их в своей теории «полезности» истинного, высокохудожественного искусства.

На примере статьи Достоевского мы видим, что образ Лиссабонского землетрясения (как символ общенационального бедствия вообще), ставший в XVIII в. предметом философских и богословских дискуссий о природе мирового зла, в XIX в. мог приобретать значение культурологического аргумента в литературно-критических и эстетических спорах эпохи.

Список литературы

Источники

Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы / вступ. статья, подгот. текста и примеч. И. З. Сермана. Л.: Сов. писатель, 1957. 257 с.

Вольтер. На Разрушение Лиссабона / пер. И. Ф. Богдановича // Невинное упражнение. М., 1763. Апрель. С. 173–186.

Вольтер. Кандид, или Оптимизм, то есть наилучший свет / пер. с франц. Семёна Башилова. СПб.: Тип. Акад. наук, 1769. 152 с.

Вольтер. Поэма о гибели Лиссабона или проверка аксиомы: «Все благо» // Вольтер. Избранные произведения в одном томе. М.: Худож. лит., 1938. С. 422–428.

Воскресенский Г. А. Придворная и академическая проповедь в России полтора столетия назад. М.: Университетская типогр., 1894. 90 с.

Газета «Санктпетербургские ведомости» XVIII века. Указатели к содержанию 1751–1755 / отв. сост. М. И. Фундаминский, С. Н. Коротков. СПб.: Библиотека Российской академии наук, 1992. 430 с.

Гедеон (Криновский). «Слово о случившемся 1755 году в Европе и Африке ужасном трясении» // Гедеон (Криновский). Собрание разных поучительных слов: в 4 т. Т. 2. СПб.: Императорская Академия Наук, 1756. С. 316–323.

Гедеон (Криновский). Слово о краткости и бедности жития человеческого и о неизвестной его кончине // Гедеон (Криновский). Собрание разных поучительных слов: в 4 т. Т. 3. В СПб.: Императорская Академия Наук, 1758. С. 13–24.

Достоевский Ф. М. Г-н -бов и вопрос об искусстве // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 т. Т. 18. Статьи и заметки. 1845–1861. Л.: Наука, 1978. С. 70–103.

Иоанн Златоуст, свт. О Лазаре. Слово шестое. (О землетрясении, и о богатом и Лазаре, и о том, откуда произошло рабство) // Полн. собр. творений св. Иоанна Златоуста: в 12 т. Т. 1. Кн. 2. М.: Радонеж, 2005. С. 848–867.

Левшин В. А. Письмо, содержащее некоторые разсуждения о Поэме Волтера на разрушение Лиссабона, писанное В. Лвшнм к приятелю его Господину З*** 2 мая 1780 г. // Вольтер: pro et contra. Личность и идеи Вольтера в оценке русских мыслителей и последователей. Антология. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2013. С. 74–107.

Панаев И. И. Русский джентльмен-оптимист // Панаев И. И. Очерки из Петербургской жизни нового поэта. Ч. 1–2. СПб.: В Тип. Карла Вульфа, 1860. С. 483–513.

Руссо Ж.-Ж. Письмо господина Руссо к господину Вольтеру // Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия. 1762. Ч. IV. С. 235–273.

Руссо Ж.-Ж. Письмо Ж. Ж. Руссо к Г. Вольтеру, содержащее в себе возражение на поэму его о разрушении Лиссабона // Вольтер. Поэма на разрушение Лиссабона, сочинение Г. Вольтера, с возражением на оную, писанным Жан Жаком Руссо. Изд. второе. СПб.: В Тип. Губерн. Правления, 1809. С. 17–48.

Руссо Ж.-Ж. Исповедь // Руссо Ж.-Ж. Избр. Соч. в 3 т. М.: Худож. лит., 1961. Т. 3. С. 9–568.

Титов Ф. К биографии Гедеона Криновского, епископа Псковского и Нарвского. Казань: Центральная Типография, 1907. 24 с.

Исследования

Арте́мьева Т. В. Вольтер и проблема теодицеи в русской философии XVIII века // Вольтер и Россия / под ред. А. Д. Михайлова, А. Ф. Строева. М.: Наследие, 1999. С. 43–51.

Вольтер в России. Библиографический указатель 1735–1995. Русские писатели о Вольтере. Стихотворения, статьи, письма, воспоминания. М.: «Рудомино», 1995. 388 с.

Гусяков В. К. Потрясение Европы // Наука из первых рук. 2021. № 5-6 (93). С. 104–121.

Евгений (Болховитинов), митр. Гедеон Криновский // Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М.; Сергиев Посад: Паломник, 1995. С. 61–62.

Крашенинникова О. А. Церковная проповедь на Новый год: эволюция жанра в первой половине XVIII в. // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 4. С. 6–23. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-6-23>

Николаев С. Н. Криновский Григорий Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб.: Наука, 1999. С. 151–152.

Русинова О., Утехин И. Предисловие // Тавареш Р. Небольшая книга о великом землетрясении / пер. с португальского Е. Голубевой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. С. 7–10.

Сергиенко А. Ю. (Не)возможность теодицеи: влияние Лиссабонского землетрясения на философско-антропологические представления эпохи Просвещения // Философская мысль. 2025. № 5. С. 14–38.

Тавареш Р. Небольшая книга о великом землетрясении / пер. с португальского Е. Голубевой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 240 с.

Шерих Д. Ю. История газеты «Санкт-Петербургские ведомости» от Петра до Путина. СПб.: Санкт-Петербургские ведомости, 2019. 268 с.

References

Artem'eva, T. V. "Vol'ter i problema teoditsei v russkoi filosofii XVIII veka" ["Voltaire and the Problem of Theodicy in Russian Philosophy of the 18th Century"]. *Vol'ter i Rossiia* [Voltaire and Russia], ed. by A. D. Mikhailov and A. F. Stroev. Moscow, Nasledie Publ., 1999, pp. 43–51. (In Russ.)

Vol'ter v Rossii. Bibliograficheskii ukazatel' 1735–1995. Russkie pisateli o Vol'tere. Stikhotvoreniia, stat'i, pis'ma, vospominaniia [Voltaire in Russia. A Bibliographic Index 1735–1995. Russian Writers on Voltaire. Poems, Articles, Letters, Memoirs]. Moscow, Rudomino Publ., 1995. 388 p. (In Russ.)

Gusiakov, V. K. "Potriasenie Evropy" ["Shock of Europe"]. *Nauka iz pervykh ruk*, no. 5–6 (93), 2021, pp. 104–121. (In Russ.)

Evgenii (Bolkhovitinov), mitr. "Gedeon Krinovskii" ["Gideon Krinovskiy"]. *Slovar' istoricheskii o byvshikh v Rossii pisateliakh dukhovnogo china Greko-Rossiiskoi Tserkvi*

[*A Historical Dictionary of Writers of the Spiritual Rank of the Greek-Russian Church Who Were in Russia*]. Moscow, Sergiev Posad, Palomnik Publ., 1995, pp. 61–62. (In Russ.)

Krashenninnikova, O. A. “Tserkovnaia propoved’ na Novyi god: evoliutsiia zhanra v pervoi polovine XVIII v.” [“Church Sermon for the New Year: The Evolution of the Genre in the First Half of the 18th Century”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 4, 2025, pp. 6–23. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-4-6-23> (In Russ.)

Nikolaev, S. N. “Krinovskii Grigorii Andreevich” [“Krinovsky Grigory Andreevich”]. *Slovar’ russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century], issue 2: (K–P). St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. pp. 151–152. (In Russ.)

Rusinova, O., and I. Utekhin. “Predislovie” [“Preface”]. Tavaresh, R. *Nebol’shaia kniga o velikom zemletriasenii* [A Small Book about the Great Earthquake], trans. from Portuguese E. Golubeva. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 2009, pp. 7–10. (In Russ.)

Sergienko, A. Iu. “(Ne)vozmozhnost’ teoditsei: vliianie Lissabonskogo zemletriaseniia na filosofsko-antropologicheskie predstavleniia epokhi Prosveshcheniia” [“The (Im)possibility of Theodicy: The Influence of the Lisbon Earthquake on the Philosophical and Anthropological Ideas of the Enlightenment”]. *Filosofskaia mysl’*, no. 5, 2025, pp. 14–38. (In Russ.)

Tavaresh, R. *Nebol’shaia kniga o velikom zemletriasenii* [A Small Book about the Great Earthquake], trans. from Portuguese E. Golubeva. St. Petersburg, European University in St. Petersburg Publ., 2009. 240 p. (In Russ.)

Sherikh, D. Iu. *Istoriia gazety “Sankt-Peterburgskie vedomosti” ot Petra do Putina* [The History of the Newspaper “St. Petersburg Vedomosti” from Peter to Putin]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskie vedomosti Publ., 2019. 268 p. (In Russ.)